

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 811.511.132
doi: 10.17223/23062061/32/4

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ СЛОВАРЬ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА (1668 г.)

Галина Валерьяновна Федюнева¹

¹ *Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия,
gfyeduneva@mail.ru, fedyuneva@yandex.ru*

Аннотация. Описывается новооткрытый памятник коми-зырянского языка XVII в. в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина, в котором, кроме обычной для монастырских сборников XV–XVII вв. подборки нравоучительных компиляций, имеются разноязычные лексические материалы, в том числе словари-разговорники карельского, зырянского и крымско-татарского языков. Памятник является самой ранней из известных лексикографических фиксаций коми языка. Дано описание его лексических, фонетических, морфологических и графических особенностей, позволяющих определить его диалектную основу и место среди уже известных памятников письменности коми языка.

Ключевые слова: коми язык, историческая лексикография, памятники письменности, рукописный сборник, словарь-разговорник

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Федюнева Г.В. Коми-зырянский словарь в рукописном сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина (1668 г.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 66–81. doi: 10.17223/23062061/32/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

A KOMI-ZYRYAN DICTIONARY IN THE COLLECTION OF THE OLD RUSSIAN SCRIBE PROKHOR KOLOMNYATIN (1668)

Galina V. Fedyuneva¹

¹ *Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation, gfedyuneva@mail.ru, gfedyuneva@yandex.ru*

Abstract. The article describes a new monument of the Komi-Zyryan language of the 17th century discovered in the author's collection of the Old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin. In addition to a collection of moral compilations, traditional for monastic collections of the 15th–17th centuries, the monument contains multilingual lexical materials, including dictionary-phrasebooks of the Karelian, Zyryan and Crimean Tatar languages. The monument also contains important information for a diachronic study of the Komi language, since it is its earliest known lexicographic fixation and belongs to a period almost undocumented by written evidence. The article describes Komi lexical, phonetic, grammatical and graphic features, which make it possible to determine its place among the already known monuments of the Komi written language. The Zyryan dictionary is small in volume: more than half of the text is a detailed money account, followed by about a hundred Komi-Zyryan words and a translation of the Trisagion prayer. In contrast to the existing monuments, which are based on the language of the ancient Komi population of the Low Vychegda, the linguistic features of the dictionary indicate in favor of another ancient Komi dialect – Vym'. An important feature of the dictionary is the presence of *null-l*-forms. Their consistent use allows verifying the formation of interdialect phonetic alternation *v~l* with *null* sound – the main distinctive feature of modern *l*-, *v-l*- and *null-l*-dialects of the Komi language. The modification of the common Permian etymological [l], obviously, occurred in different territories and at different times. According to the available Low-Vychegda monuments, the alternation *v~l* was formed during the 17th and ended by the beginning of the 18th century. The appearance of *null-l*-forms in the Vym' dialects, then in the Izhma and Upper Vychegda dialects, can also be attributed to this time, but there was no documentary evidence of this. The new monument has an accurate dating and to a certain extent fills this gap. The dictionary contains dialect vocabulary that is not uninteresting for historical lexicology, and the list of monetary units from “denga” to thousands of rubles, indicating the possibility of using the dictionary in the practice of trade transactions, etc., is of undoubted interest for ethnohistorical research.

Keywords: written monuments, handwritten collection, dictionary-phrasebook, Komi language, historical lexicography

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment to the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Registration No. FUUU-2021-0008.

For citation: Fedyleneva, G.V. (2023) A Komi-zyryan dictionary in the collection of the old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin (1668). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 32. pp. 66–81. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/4

Введение

Зырянско-русский словарь в составе рукописного сборника XVII в., обнаруженного исследователем древнерусских рукописей д-ром филол. наук Н.В. Савельевой, находится в «музейском» собрании Государственного исторического музея (№ 2803). Благодаря авторской надписи: «Сия книга рекома Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219) сборник определенно атрибутируется древнерусскому книжнику Прохору Коломнятину и имеет точную датировку.

По описанию Н.В. Савельевой [1], рукопись в 8° написана на 220 листах несколькими вариантами полуустава одной руки, крупного или мелкого, иногда переходящего в скоропись. Содержание «Цветника» традиционно и в целом сопоставимо с рукописными монастырскими сборниками XV–XVII вв. Отличительной особенностью его является склонность к систематизации компилятивных и лексических материалов по словарному принципу.

Особый интерес представляют словари-разговорники национальных языков Русского государства: карело-русский словарь «Сказание о преведении корѣльскаго речения на словес(н)ский», коми-зырянский словарь, озаглавленный «Звательные рѣчи зырянского языка, сирѣчь сирскаго» [2], и самый большой по объему тюркско-русский словарный фонд под названием «Сїа книга Эли(х)въ сирѣчь Алѣави(т), преведено с турскаго на словенскую ре(ч)» [3]. Словари записаны по тематическому принципу и оформлены так же, как греческий и латинский разговорники. Заглавия, первые буквы словарных статей, также буквы «т» («толк») перед русским переводом выделены кинноварью. Карельский и тюркский словари имеют оглавление, написанное крупным полууставом, зырянский приведен сплошным текстом.

Включение разноязычных словарей в «типовой» монастырский сборник – случай редкий и представляет особую ценность для истории русской лексикографии, тем более что, по утверждению Н.В. Савельевой, «ни один из словарей, приведенных в нем, не зафиксирован в других ру-

кописных источниках и не имеет пока кириллических аналогов, близких по лексическому ряду, хронологии, жанру и объему текста» [1. С. 58].

Открытые к настоящему времени памятники коми письменности опубликованы и достаточно хорошо изучены [4; 5. С. 302–308]. Хронологически и лингвистически они делятся на памятники древнепермского, или древнекоми, языка XIV–XVII вв. и памятники коми-зырянского языка XVII–XVIII вв., по содержанию – на церковные и светские. Большинство памятников церковного содержания связаны с именем крестителя Стефана Пермского, создавшего оригинальную азбуку и систему древнепермского письма [6]. Памятники светского содержания представлены в основном словарными материалами участников академических экспедиций 20–70-х гг. XVIII в. (Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа). Кроме того имеется самостоятельный русско-коми разговорник, найденный акад. И.И. Лепехиным в 1771 г. во время его экспедиции в Коми край. Предполагается, что подобные рукописные словарики коми языка имели широкое хождение в XVIII в. [7].

Зырянский словарь Прохора Коломнятина занимает особое место в письменной истории коми языка [8]. Ценность его определяется не только малочисленностью и фрагментарностью выявленных к настоящему времени памятников, но и тем, что он относится к раннему периоду, весьма значимому для датирования важных внутриязыковых закономерностей.

Методология

Теоретической основой статьи являются труды по истории и теории письменности и русской палеографии, а также специальные работы В.И. Лыткина [4, 9, 10], А.С. Сидорова [11, 12], З.И. Кузнецовой [7, 13] и других исследователей, посвященные изучению и публикации письменных памятников коми языка.

Исследование выполнено в русле традиционного исторического языкознания, одной из важных задач которого является поиск и ведение в научный оборот ранее неизвестных и неизученных памятников письменности. В основе методологии лежит принцип системности и историзма, требующий применения комплекса специальных методов и исследовательских приемов разных дисциплин. Прежде всего это метод общего историко-филологического анализа, включающий археографическое и текстологическое обследование памятника, его аргументированное комментирование, филологическую и культурно-историческую ин-

терпретацию. Для предварительной атрибуции памятника был использован ряд апробированных в отечественной медиевистике и археографической практике приемов сравнительно-сопоставительного анализа текстов, их жанровой и семантической интерпретации, относительной хронологизации и т.д.

Использованы также методы и исследовательские приемы смежных лингвистических дисциплин, в частности исторической диалектологии и лексикографии, позволяющие включить новооткрытую рукопись в систему памятников письменности коми языка, установить его тип и жанровую принадлежность, идентифицировать язык исследуемого памятника как лингвистическую и территориальную разновидность общекоми языка данного исторического периода.

Исследование и результаты

Зырянский лексикон в авторском сборнике Прохора Коломнятина небольшой по объему (185 об.–188 об.). Основную часть лексикона составляет денежный счет, подробно расписанный от «денги» до тысячи рублей (185 об.–187 об.). Около двух страниц (187 об.–188 об.) занимает словарь разговорно-бытовой лексики, приведенный без оглавления и завершающийся переводом молитвы «Трисвятое».

Лексический состав и особенности подачи материала в словаре

В названиях денежных единиц использованы все – простые, сложные и составные – количественные числительные от единицы до тысячи. Они полностью соответствуют числительным современного коми языка. Мезуративными единицами, как и в современном языке, выступают коми слова *ур* ‘копейка’ и *шайт* ‘рубль’, а также русское заимствование *денга*, напр.: По(л)дénги – (т) денга; Нэль денга – (т) грóшь (185 об.). Список содержит ряд непоследовательностей, повторы числительных с разным толкованием, имеются несоответствия в переводе. Приведенная система счисления, с одной стороны, напоминает древнекоми денежный счет [14, 15], с другой – сближается с современной.

Непосредственно за денежным счетом без каких-либо дополнительных помет следует список обиходно-бытовой лексики – около ста слов и словоформ с «толкованием» их значений на русский язык. В порядке записи наблюдается некоторая тенденция к тематической группировке слов.

Представлены следующие лексико-семантические группы (л. 187 об.–188 об.): *термины родства и гендерной идентичности*, напр., Вóкъ –

(т) братъ; Ны – (т) дѣвка; *частей тела человека*: Сынъ – (т) глаза; *названия домашних и диких животных и птиц*, напр., Мось – (т) корова; Рѹць – (т) лисица; Юсь – (т) лебедь; *культурных растений и пищи*, напр., Шобѣды – (т) пшеница; Нлнъ – (т) хлѣ(б); *охотничьей и хозяйственной утвари*, напр., Вунъ – (т) лукъ; Пуртъ – (т) но(ж); *одежды*: Пась – (т) шуба; *дома и его частей*, напр., Керъка – (т) избѣ; Пызанъ – (т) столъ и др.

В целом в словаре представлена разговорно-бытовая общеупотребительная лексика, которая относится к активному словарному фонду современного коми языка. Имеется также несколько диалектных слов, которые в современном коми-зырянском языке встречаются преимущественно в северо-западном ареале, более последовательно – в говорах вымско-вычегодского бассейна, напр., Чѣрива – уха, ср. вым. нв. уд. вв. *черива*, в остальных диалектах *юква* ‘уха’; Люска – (т) лощка, ср. уд. *люска*, повс. *пань* ‘ложка’; Вурдь – (т) вы(д)ра, ср. вым. нв. иж. уд. вв. скр. печ. *вурд*, л. *чув*, лл. вс. сс. *чул* ‘выдра’ и др. [16. С. 70, 274, 451]. Кроме диалектизмов, словарь содержит 28 русских заимствований, а также два слова, не поддающихся интерпретации с точки зрения современного коми языка: (187 об.) Бурась – (т) другъ и Сы – (т) челомъ. Более подробно о лексическом составе словаря см. [8].

Морфологические особенности и словообразование

В отличие от других словарных материалов в «Цветнике» Прохора Коломятина, зырянский словарь не содержит связных текстов (за исключением короткой молитвы), а также характерных для разговорников выражений, реплик из диалогов и т.д.

Практически весь корпус составляют числительные и существительные в форме **номинатива** ед. ч. Несколько слов в русском переводе переданы как формы мн. ч.: Кырымъ – (т) рѹки; Кокъ – (т) нѳги; Ню – (т) стрѣлы; Нызъ бѳжъ – (т) собѳльи хвосты; Кынъ – (т) песцы; Эмъ – (т) йглы; Энъ – (т) ѳбразы. Заимствование Лавицы – (т) лавки дано с русским окончанием, ср. совр. коми *лабич*, вым. нв. уд. иж. *лавич* ‘лавка’ [16. С. 191].

Изредка встречаются форманты грамматических, прежде всего именных категорий. Так, слово Йнѣ^ась – (т) жѳнка, содержит именной суффикс мн. ч. -яс [йас], хотя перевод дан в ед. ч., ср. совр. *иньяс*; *инь* уст. ‘мать, жена, женщина’; диал. вым. нв. иж. уд. ‘самка’, ‘свекровь’ [16. С. 448].

Несколько слов имеют суффиксы косвенных падежей. Существительные Аа – (т) ѳтець, совр. *ай*, диал. *айѳ* ‘отец (мой)’, Мамо – (т)

ма(т), совр. *мамӧ(й)* ‘мать (моя)’; юмо, совр. *ен, енмӧ* ‘боже (мой)’; кúтомо, совр. *кувтӧмӧ(й)* ‘бессмертный (мой)’; чáрыдо, совр. *чорыдӧ(й)* ‘крепкий (мой)’ даны в форме **вокатива** – специального звательного падежа с формантом *-о, -э, -ой* [9. С. 102; 13. С. 152]. В современном коми языке такой падеж отсутствует; показатель *-ӧ, -ӧй* является поссессивным суффиксом 1-го л. ед. ч., который отчасти сохраняет вокативное значение.

В составе молитвы есть два местоимения, написанные слитно – темъа́но ‘ты нас’: местоимение 2-го л. ед. ч. *тэ* ‘ты’ в основной форме и местоимение 1-го л. мн. ч., *ми* ‘мы’ в форме **аккузатива** основного склонения с суф. *-ӧ(с)* – совр. *миянӧс* ‘нас’.

Слово Рúдекъзе – (т) ро(ж) приведено также в форме **аккузатива** притяжательного склонения с суф. 3-го л. ед. ч. *-сӧ*; совр. *рудзӧгсӧ* ‘рожь-то’, *рудзӧг* ‘рожь’.

В притяжательной *конструкции изафетного типа* обладаемое выражено номинативом с поссессивным суф. 3-го л. ед. ч. *-ыс*, а *обладатель – формой генитива* -лӧн: Вӧкълонъ чо́юсь – (т) племянница, совр. *воклӧн чойыс*, букв. ‘брата сестра-его’ (*вок* ‘брат’, *чой* ‘сестра’)¹. В определительных словосочетаниях: Вӧкъпи – (т) племя́нни(к), совр. *вок пи* ‘сын брата’ (*вок* ‘брат’, *пи* ‘сын’); Нíзь бѣжъ – (т) собо́льи хвосты́, совр. *низь бӧж* ‘хвост соболя’ (*низь* ‘соболь’, *бӧж* ‘хвост’) притяжательное значение формально не выражено.

С точки зрения диалектной принадлежности памятника интерес представляет словоформа *Мӧртлы* – (т) человек, которая содержит суф. **датива** *-лы*, однако имеет номинативное значение (*морт* ‘человек’). Использование датива в функции подлежащего и прямого дополнения зарегистрировано только в нуль-эловых вымских и ижемских говорах, напр., вым. *бӧрті кытитім, Весляналы коли* ‘Потом мы поплыли, Весляна осталась (позади)’ [16. С. 487]. Такое употребление формы датива отмечено также в памятниках XVIII в.: спаситом восна ловъяслы (аккузатив) *миян мезослы* (датив) *кевмысям* ‘О спасении душ наших богу молимся’ [13. С. 90. 148].

Конструкция *Дénганъ пѣлонъ* – (т) по(л)торы денги; *Дáсь дénгамъ пѣло(н)* – (т) деве(т) дѣнег¹ образована соединением двух слов в форме **инструменталиа** с суф. *-ӧн*. Конструкция *-ӧн-пӧлӧн* ‘полтора’, напр., *дасӧн-пӧлӧн* ‘полтора десятка’ (*дас* ‘десять’) сохранилась только в одном из северо-западных коми диалектов – удорском, во всех других и

¹ Ошибка писца или информанта: значение «племянница» выражается сочетанием *воклӧн нылыс* ‘дочь брата’ (*вок* ‘брат’, *ныл* ‘дочь’).

литературном языке ей соответствует *-өн-джыныйён* ‘полтора’, *дасён-джыныйён* ‘полтара десятка’, *джын* ‘половина’ [16. С. 101, 298].

Единственное глагольное словосочетание *Лóкъ мекáнь* – (т) пойдй со мною, совр. *лок мекöд* ‘пойдем со мной’ включает существительное в **комитативе** с суф. *-кöд*, диал. *-кöт*¹.

Словарь содержит семь глаголов: *Вáй* – (т) дáй; *Сéть* – (т) подай; *Кóльи* – (т) проводи; *Лóкъ мекáнь* – (т) пойдй со мною; *Вáй* – (т) привезй, *Вúзо* – (т) продáй и *кутýшты* ‘поддержи’, приведенных в форме императива 2-го л. ед. ч. Шесть из них представляют чистые основы, один – *кутýшты* – имеет суф. уменьшительного вида *-ышт-* с сохранением конечного этимологического гласного *-ы*, в большинстве коми диалектов утраченного (совр. *кутыышт* ‘поддержи’, ‘подержи’, *кутны* ‘держать’). В составе молитвы имеется также причастие *кúтом*, совр. лит. *кувтöм* ‘бессмертный’, *кувны* ‘умереть’, содержащее каритивный суффикс *-тöм*.

Из способов словообразования наиболее полно представлено словосложение: *Нéнолонь* – (т) колчáнь (совр. лит. *нёв* ‘стрела’, *новлан* ‘носимый или носящий’); *Шóмьшить* – (т) батвйнье (*шом* ‘кислый’, *шыд* ‘суп’); *Сё́нивоць* – (т) сёни (рус. *сени*, коми *водз* ‘перед’); *Чéрива* – *ухá* (*чери* ‘рыба’, *ва* ‘вода’); *Йжýку* – (т) овчина (*ыж* ‘овца’, *ку* ‘шкура’); *Чю́нькичь* – (т) пёрсте(н) (*чунь* ‘палец’, *кытиш* ‘круг’) и др.

Слова *Кука́нь* – (т) тела, *Рúдек* – (т) ро(ж), *Бáйдыкъ* – (т) кúропа(т), *Дюдю́къ* – (т) гу(с), *вёжа* ‘святой’ и *чáрыд* ‘крепкий’ содержат мертвые суффиксальные элементы и имеют дефектное членение [17. С. 22, 23, 27, 39]. Остальная лексика представлена производными словами.

Фонетические особенности и диалектная основа памятника

Наиболее яркой чертой фонетики словаря является наличие *нуль-эловых* форм, которые в известной мере визуализируют процесс формирования междиалектной корреспонденции звуков *л ~ в ~ ø* – одного из важнейших признаков, лежащих в основе традиционной классификации коми диалектов.

Известно, что общепермский этимологический [л] в коми языке перетерпел изменения. В разных диалектных зонах он давал разные рефлексy: в одних последовательно сохранялся, в других позиционно переходил в [в], в третьих заменялся удлинением предшествующего звука или полностью утрачивался. В результате этого процесса современные диалекты по употреблению согласных [л] и [в] делятся на эловые, вэ-эловые и нуль-эловые [10. С. 119–121]. К эловым диалектам относятся

¹ В оригинале *-кáнь*, видимо, описка.

сс. вс. печ. лл. и некоторые вв. говоры позднего образования, к вэ-эловым – скр. нв. уд., некоторые говоры лл. и вв. диалектов, к нуль-эловым – вым. иж. и отдельные вв. говоры. Имеются также смешанные говоры [16. С. 457–459].

Лексика рассматриваемого памятника демонстрирует явную нуль-эловость, напр.: Ны – (т) дочь; Ны – (т) дѣвка, совр. нуль-эловые говоры *ны*, *ныы*; вэ-эловые и лит. *ныв*; эловые говоры *ныл* ‘девушка’, ‘дочь’; Вузо – (т) продай¹, совр. соотв.: *вузо*, *вузоо*; *вузав*; *вузал* ‘продай’; Вы – (т) продай¹, совр. *вö*, *вöö*; *вöв*; *вöл* ‘лошадь’; Ню – (т) стрѣлы, совр. *нö*, *нöö*; *нöв*; *нöл* ‘стрела’; Нёнолонь – (т) колчань, совр. *нö ноолан*; *нöв новлан*; Күтомо, совр. соотв. *кутöмö*; *кувтöмö*; *култöмö* ‘бессмертный’.

Эти примеры свидетельствуют о близости языка памятника к нуль-эловым говорам Выми и Ижмы. Если учесть, что долгие гласные сначала появились в вымском диалекте, а затем, в процессе миграции населения, в ижемском и верхневычегодском диалектах [18. С. 29], то диалектной основой памятника следует считать древневымские говоры.

В рассматриваемом памятнике нашло отражение еще одно фонетическое явление, служащее дополнительным дистинктивным признаком коми диалектов, – междиалектная корреспонденция звуков [т'], [д'] и звукосочетаний [йт], [йд] в конце слога. В настоящее время этимологические [т'] и [д'] сохраняются в южно-коми-зырянском регионе, в коми-пермяцком, коми-язьвинском и удмуртском языках, в северной же группе коми-зырянских диалектов на их месте появились сочетания [йт], [йд]. Переход [т'], [д'] в [йт], [йд] зафиксирован в памятниках древнепермской письменности XIV–XVII вв., но в современных коми-зырянских диалектах в отношении этого явления нет единства. В лл. вс. сс. печ. диалектах последовательно употребляются палатальные [т'] и [д']: *кватъ* ‘шесть’, *додъ* ‘сани’; в скр. последовательное употребление имеет сочетание [йт] и параллельное – [д'] и [йд]. Северо-западные нв.вым.уд. диалекты предпочитают [йт], [йд]: *квайт* ‘шесть’, *дойд* ‘сани’.

Поздние вв. говоры, разделенные по л ~ в признаку, также различаются: эловые и вэ-эловые говоры, как правило, используют сочетание [йт], [йд], в вэ-эловых имеет место чередование [т']~[йт] и [д']~[йд], напр.: *квайт арэс* ‘шесть лет’, но *кватъ пэлес* ‘шесть углов’ [18. С. 88–89].

¹ В оригинале рукописи наблюдается путаница в переводе рядом стоящих слов Вузо – (т) продай: Вузо – (т) мёринь, кобыла то(ж), Вы – (т) продай, Вузо – (т) продай (187 об.).

Нечто подобное наблюдается в рассматриваемом памятнике. Числительное ‘шесть’ выступает в двух формах *квайт* и *кватъ*, ср. *Ква́тъ денга* – (т) алтнъ, совр. диал. *кватъ деньга* ‘шесть денег’ и *Ква́и ту́ръ* – (т) 2 а(л), совр. лит. *квайт ур* ‘шесть копеек’. Однако слово *шайт* ‘рубль’ последовательно выступает в форме с ауслаутом [т’]: *Кы́зь шать* – (т) 20 ру(б), совр. лит. *кызь шайт* ‘двадцать рублей; *Сé шать* – (т) 100 ру(б), совр. лит. *сё шайт* ‘сто рублей’ и т.д.

Показательна также фонетическая форма посессивного суф. 1-го л. ед. ч., которая в коми диалектах варьируется как *õй*, *-эй*, *-õ*, *-э*. Йотированные варианты представлены в поздних вв. и печ. диалектах, смешанное употребление наблюдается в центральной и южной группе диалектов. Нейотированные варианты, представленные в словаре, употребляются в северо-западных – вым. уд. нв. (*-õ*) и иж. нв. (*-э*) – диалектах, для которых использование лично-притяжательной суффиксации особенно характерно [18. С. 96].

Кроме приведенных, можно отметить следующие единичные фонетические явления. В словах *Руде́кзе* – (т) ро(ж) (совр. *рудэ́г* ‘рожь’); *Дюдю́къ* – (т) гу(с) (совр. *дзодзё́г* ‘гусь’); *Оде́зь* – (т) двери (совр. *о́дзёс* ‘дверь’) наблюдается переход мягкой аффрикаты [дз] в смычный палатальный [д’]. Этот вид диалектной дезаффрикации встречается в одном из северных диалектов (иж.), где звуки [ч’], [ж’] артикуляционно близки [т’], [д’] [10. С. 64; 18. С. 71–72]. Остается также возможность рассматривать приведенные случаи как графический прием передачи аффрикаты [дз] мягким [д’]. В памятниках письменности XVIII в. эта аффриката чаще всего передается сочетанием букв д и з или русской буквой з, напр. *визе́дь*, совр. *видзё́д* ‘смотри’ [13. С. 49].

В слове *Кóльи* – (т) проводи́ нет следов прогрессивной ассимиляции *й*, которая имеет место в современном языке, ср. совр. лит. *ко́льыны* ‘проводить, провожать’ [16. С. 163]. Этот вид ассимиляции не представлен и в памятниках XVIII в., напр. *лы́дьись* ‘чтец’ [13. С. 140]. В суф. мн. ч. *-яс* [*йас*] в слове *Йнѣ́ась* – (т) жо́нка также отсутствует ассимиляция анлаутного *й*, характерная, в том числе для вымских говоров, ср. вым. *чанѣ́ньас*, лит. *чанѣ́яс* ‘жеребята’ [16. С. 459].

В северо-западных иж. и вв. диалектах наблюдается прогрессивная ассимиляция гласных вроде: *пõраан*, лит. *пõраõн* ‘порой’. Есть соблазн визуализировать подобное явление в слове *Дё́нгань* в конструкции *Дё́нгань пóлонь* (<**дёнѣ́гаõн-пõлõн* ‘полторы деньги’), если, конечно, исключить опisku.

Наконец, интерес представляют слова *Э́мъ* – (т) ѣ́глы и *Э́нь* – (т) ѣ́брызы, которые в современном языке имеют *й*-овый анлаут: повс. *ем*

[йэм] ‘игла’ и *ен* [йэн] ‘бог’, ‘образ’. Появление *й* в этих словах считается достаточно поздним, спорадическим явлением [10. С. 116].

Графические особенности памятника

Рукопись написана крупным полууставом, иногда переходящим в более мелкий, в графике кириллического письма XVII в. с последовательным использованием кириллической цифири, надстрочных знаков придыхания и ударения, сокращенных слов, выносных букв и т.д. Текст четкий, почти без помарок и описок, коми лексика записана и передана на русский язык достаточно точно.

Небольшой объем словаря и отсутствие текстового материала не дают полной картины о графико-орфографических предпочтениях писца, однако некоторые графические приемы, использованные для передачи звуковых закономерностей коми языка, всё же можно отметить.

Специфический иллабиальный гласный звук среднего ряда, среднего подъема [ö] в начале слова и после твердых согласных передается графемой **о**, напр.: Ёш́и́нъ, совр. *öshin* ‘окно’; Ё́кмысу́рь, совр. *ökmys ur* ‘девять копеек’; Ко́мынъ ё́тикуръ, совр. *komyn öti ur* ‘тридцать одна копейка’; Ко́шъ, совр. *kösh* < рус. ковш. Гласный [ö] в составе притяжательного суф. 1-го л. ед. ч. и в суф. аккузатива, генитива и инструментала также последовательно передан буквой **о**: ма́мо ‘мать’, ю́мо ‘боже’; Во́кълонъ ‘брата’, по́ло(н) ‘половиной’ и др. После палатального д [д’] и аффрикаты дз [ž’] использована буква **е**: Ё́дэзъ – (т) двери, совр. *ödžos* ‘дверь’, Ру́декъзе – (т) ро(ж), совр. *rudžosö* ‘рожь-то’ и др. В двух случаях на месте **ё** выступает буква **а**: Ка́къ’амы́сь, совр., *kökjamyś* ‘восемь’, Ло́къ мека́нъ, совр. *lok meköd* ‘пойдем со мной’, в одном случае – **ы**: Зы́рь, совр. *žor* ‘овес’.

Аффрикаты коми языка ч [ч’], дз [ž’], дж [ž], тш [ч], противопоставленные по твердости /мягкости: [ч]: [ч’]; [ž]: [ž’] и глухости/звонкости [ч]: [ž]; [ч’]: [ž’], в словаре представлены очень ограничено. Коми числительные не содержат аффрикат, соответственно, их нет в названиях денежных единиц.

В бытовой лексике в большей степени представлена аффриката **тш**, которая передана графемой **ч** или **чъ**: А́нькочъ, совр. *anjkytiś* ‘горох’; Чю́нькичъ, совр. *čun’kytiś* ‘кольцо’; Ла́чакъ, совр. диал. *latiöğ* ‘росомаха’. По-разному отражена аффриката ч [ч’] в словах Ко́чь, совр. *köč* ‘заяц’ и Ру́ць, совр. *ruč* ‘лиса’. Русская ц использована также при передаче аффрикаты дз [ž’] в слове *водз* ‘перед’ в гибридной композите Сѣ́нивоць – (т) сѣни. Аффриката дж [ž] не встречается вовсе.

Мягкость коми парных согласных [с'], [з'], [т'], [д'], [н'], [л'] в большинстве случаев обозначается так же, как в русской графической системе, а именно с помощью букв **и**: Сизимъ, совр. *сизим* 'семь'; Дасъ ѓтикуръ, совр. *дас ѓти ур* 'одиннадцать копеек'; **е**: Сё шать, совр. *сё шать* 'сто рублей'; Нёнолонъ – (т) колчанъ и **ю**: Дасъ нёлюоръ, совр. *дас нёль ур* 'четырнадцать копеек'; Сенёлюоръ, совр. *сё нёль ур* 'сто четыре копейки'; Се сюрсь¹, совр. *сё сюрс* 'сто тысяч'; Ню, совр. диал. *ньѓѓ* 'стрела'; Чёжморъ, совр. *чужмѓр* 'горноста́й'; Чёнькичъ, совр. *чунькытиш* 'кольцо' и др. Буква **ѣ** (ять) использована только в русских переводах.

Сочетание [йа] передается с помощью знаков «юс малый» и «йотированный а». Последний представлен только в одном коми слове: *кѓкъямыс* 'восемь' (6 раз), напр. Дас кѓкъямысуръ – (т) 7'алтынъ. Это же слово 10 раз написано с малым юсом, напр.: Се какъямысуръ – (т) 54 а(л). Интересно, что в шести примерах слово *сё* 'сто' передано как *са*, напр., Нёль са шать – (т) 400 ру(б), в то время как в большинстве случаев (более 15 раз) оно имеет нормальное написание *се*, напр. Куймъ сё шать – (т) 300 ру(б). Кроме того, юс малый использован в числительном Нёламынъ (5 раз), совр. *нелямын* 'сорок', в словах Аа, совр. *айѓ(й)* 'отец (мой)'; Оза(м), совр. уст. *азям* 'кафтан'; Ёнъясь, совр. диал. *иньяс* 'женщины'; мъяно, совр. *миянѓс* 'нас'. Обе графемы использованы также в русском тексте.

Нормальное использование **ь** (ерь) после мягких согласных встречается редко. В основном это частотные числительные в денежном счете: Квять, совр. *квйт*, диал. *кватъ* 'шесть'; Шать, совр. *шайт*, диал. *шать* 'рубль'; Нёль, совр. *нёль* 'четыре' и одиночные слова Чёжинъ, совр. *чожинъ* 'тетка'; Чёнькичъ, *чунькытиш* 'кольцо'. Чаще он используется в твердой позиции: напр. Вить, совр. *вит* 'пять'; Дас витуръ, совр. *дас вит ур* 'пятнадцать копеек'; Комынъ шать, совр. диал. *комын шать* 'тридцать рублей'; Котырь, совр. *гѓтыр* 'жена'; шить, совр. *шыд* 'суп'.

Буква **ѣ** (ерь) обычно стоит после твердых согласных: Кѓкъ, совр. *кок* 'нога, ноги'; Кёрька, совр. *керка* 'дом'; Пёрьна, *перна* 'крест' и т.д., однако и после мягких тоже: Кызь шать, совр. диал. *кызь шать* 'двадцать рублей'; Нйзь, совр. *низъ* 'соболь'; Кынь, совр. *кынь* 'песец'; Пызь, совр. *пызь* 'мука'; Канъ, *канъ* 'кошка'; Нёль шать, *нёль шать* 'четыре рубля' и т.д.

Из особенностей письма можно отметить также единичный случай передачи анлаутного **ы** через **и** в словах Ёжъ, совр. *ыж* 'овца', Ёжьку,

¹ При счете от 1 000 до 100 000 слово «тысяча» в целом передано нормально как сюрсь, совр. *сюрс*, однако в шести случаях – как сурсъ, возможно, под влиянием частотного для этого текста слова ур «копейка».

ыж ку 'овчина' и единственное использование **и**-десятеричного в слове Пій, совр. *пи* 'сын'.

Что касается слоگو- и словораздела, то некоторый разнобой по понятным причинам наблюдается только в написании сложных и составных числительных, где повторяющиеся основы и слоги могут передаваться как отдельные или в составе многосложного слова, в том числе с участием мезуративных единиц денежного счета.

Заключение

Содержащийся в авторском сборнике Прохора Коломнятина зырянско-русский словарь является ценным источником диахронного изучения коми языка и истории формирования его письменной традиции. Он отражает разговорный коми язык II половины XVII в. и является самым ранним из известных лексикографических памятников. Лексический состав словаря обнаруживает значительную близость к современному коми языку, что свидетельствует о высокой степени устойчивости его основных структурных элементов.

Вместе с тем новооткрытый памятник содержит дополнительные сведения о территориально-языковых различиях коми-зырянского населения вычегодско-вымского бассейна. В отличие от уже известных памятников, написанных на нижневыхогодском диалекте, он имеет другую диалектную основу: вымский диалект – один из самых ранних территориальных образований древнекоми языка. На это указывает ряд лексических и фонетикоморфологических диалектизмов и, прежде всего, последовательное употребление *нуль-эловых* форм, характерных для вымских говоров.

Наличие этих форм позволяет дополнительно верифицировать процесс формирования междиалектного фонетического чередования *в ~ л* с нулем звука – основного дистинктивного признака современных коми диалектов, в частности, установить его относительную хронологию. Если согласно имеющимся памятникам чередование *в ~ л* в нижневыхогодском диалекте формировалось в течение XVII в. и к началу XVIII в. завершилось, то хронологические рамки чередования *л* с нулем звука оставались недостаточно определенными. По мнению В.И. Лыткина, процесс проходил «с известной постепенностью» в разное время и на разных территориях, однако документальных свидетельств этому не было. Новооткрытый и, что важно, датированный памятник в известной мере восполняет эту лауну.

Приведенный в словаре денежный счет позволяет дополнительно верифицировать хронологические параметры памятника: как номенклатура денежных единиц, так и их соотношение достаточно последовательно

отражают особенности русского денежного обращения второй половины XVI–XVII вв. Однако вопрос о соотношении русских номиналов *денга*, *алтын* и *рубль* и коми денежных понятий *ур* и *шайт* в этот период остается открытым.

Сокращения

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** – верхневычегодский, **вс.** – верхнесыольский, **вым.** – вымский, **иж.** – ижемский, **лл.** – лузско-летский, **нв.** – нижневычегодский, **печ.** – печорский, **скр.** – присыктывкарский, **сс.** – среднесыольский, **уд.** – удорский.

Прочие: **букв.** – буквальный; **диал.** – диалектный; **ед.** – единственное; **л.** – лицо; **лит.** – литературный; **мн.** – множественное; **рус.** – русский; **соотв.** – соответственно; **ср.** – сравните; **суф.** – суффикс; **(т)** – толкование; **ч.** – число.

Список источников

1. Савельева Н.В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
2. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // Linguistica Uralica. Tallinn. 2021. № 4. С. 1–27.
3. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инок Прохора Коломнянина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб. : Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). 2020. Т. 67. С. 468–552.
4. Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1980. С. 10–21.
5. Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М. : Наука, 1969. С. 302–351.
6. Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского / пер. с древнерусского Г.И. Тираспольского. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993. 176 с.
7. Кузнецова З.И. Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 213–241.
8. Федюнева Г.В. Новый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. 2021. № 3. С. 87–104.
9. Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М., 1952. С. 148–161.
10. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Фонетика. М., 1957. 135 с.
11. Сидоров А.С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Вып. 2: Советское финно-угроведение. Л. : Изд-во ЛГУ, 1948. С. 240–249.
12. Сидоров А.С. Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В.И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 178–212.

13. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1967. 272 с.
14. Забоев А.С. Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. 1978. № 1. С. 103–109.
15. Тимушев Д.А. О старом денежном счете коми и истории коми денежного термина «ур» // Труды Коми филиала Академии наук СССР. Вып. II. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1954. С. 171–174.
16. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.
17. Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М. : Наука, 1985. 134 с.
18. Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

References

1. Savelieva, N.V. (2019) Neizvestnye pamyatniki leksikografii v "Tsvetnike" Prokhora Kolomnyatina [Unknown Monuments of Lexicography in Prokhor Kolomnyatin's "Flower Garden"]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63
2. Savelieva, N., Mullonen, I. & Fedyuneva, G. (2021) Karelo-russkiy i komi-zyryansko-russkiy slovari-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 g. [Karelian-Russian and Komi-Zyryansk-Russian dictionaries-phrase books in a handwritten collection of 1668]. *Linguistica Uralica*. 4. pp. 1–27.
3. Savelieva, N.V. & Kozintsev, M.A. (2020) Tyurksko-russkiy slovarnyy fond v sbornike inoka Prokhora Kolomnyanina 1668 g. [The Turkic-Russian vocabulary fund in the collection of the monk Prokhor Kolomnyanin, 1668]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature (TODRL)]. Vol. 67. St. Petersburg: Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House). pp. 468–552.
4. Lytkin, V.I. (1980) Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti [Ancient monuments of Komi writing]. In: *Istoriya komi literatury* [History of Komi Literature]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi kn. izd. pp. 10–21.
5. Lytkin, V.I. (1969) Komi-zyryanskiy yazyk [The Komi-Zyryan language]. In: Desheriev, Yu.D. (ed.) *Zakonomernosti razvitiya literaturnykh yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu. Tyurkskie, finno-ugorskie i mongol'skie yazyki* [Patterns of development of literary languages of the USSR peoples in the Soviet era. Turkic, Finno-Ugric and Mongolian languages]. Moscow: Nauka. pp. 302–351.
6. Epiphanius the Wise. (1993) *Zhitie Stefana Permskogo* [The Life of Stephen of Perm]. Translated from Old Rus by G.I. Tiraspol'sky. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
7. Kuznetsova, Z.I. (1958) Obzor pamyatnikov pis'mennosti XVIII v. [Overview of written documents of the 18th century]. *Istoriko-filologicheskii sbornik*. 4. pp. 213–241.
8. Fedyuneva, G.V. (2021) A New Handwritten Dictionary of the Komi-Zyryan Language in the History of Komi Lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 21. pp. 87–104. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/21/4
9. Lytkin, V.I. (1952) *Drevneperm'skiy yazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar'* [Ancient Permian language. Reading texts. Grammar. Dictionary]. Moscow: [s.n.]. pp. 148–161.

10. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Vol. I. Moscow: [s.n.].

11. Sidorov, A.S. (1948) Komi pis'mennost' epokhi rannego feodalizma [Komi writing in the era of early feudalism]. *Uchenye zapiski. Seriya vostokovedcheskikh nauk.* 2. pp. 240–249.

12. Sidorov, A.S. (1962) Novye pamyatniki drevnekomi pis'mennosti (s kommentariyami, podstrochnymi primechaniyami i zaklyucheniem V.I. Lytkina) [New documents of Ancient Komi writing (with comments, footnotes and conclusion by Vasily I. Lytkin)]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Issues of Finno-Ugric Linguistics]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 178–212.

13. Kuznetsova, Z.I. (1967) *Yazyk pis'mennykh komi pamyatnikov XVIII veka* [The language of written Komi documents of the 18th century]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola.

14. Zaboiev, A.S. (1978) Drevniy “denezhnyy” schet komi [The ancient “money” account of the Komi]. *Sovetskaya etnografiya.* 1. pp. 103–109.

15. Timushev, D.A. (1954) O starom denezhnom schete komi i istorii komi denezhnogo termina “yp” [On the old money account of the Komi and the history of the Komi money term “ur”]. *Trudy Komi filiala Akademii nauk SSSR.* 2. pp. 171–174.

16. Zhilina, T.I., Sakharova, M.A. & Sorvacheva, V.A. (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

17. Fed'yuneva, G.V. (1985) *Slovoobrazovatel'nye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Noun derivational suffixes in the Komi language]. Moscow: Nauka.

18. Popova, R.P. & Sazhina, S.A. (2014) *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (the comparative aspect of the study)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

Информация об авторе:

Федюнева Г.В. – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Россия). E-mail: gfed'yuneva@mail.ru; fedyuneva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.V. Fed'yuneva, Dr. Sci. (Philology), chief research fellow, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: gfed'yuneva@mail.ru; fedyuneva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022;
одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 03.01.2022;
approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 13.06.2023